

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ КАУЗАТИВЕ В ЭРГАТИВНОМ НАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. У. Тариева

*Ингушский государственный университет,
Ингушский научно-исследовательский институт имени Ч. Э. Ахриева*

Поступила в редакцию 29 октября 2017 г.

Аннотация: в статье поднимается вопрос о возникновении лексических каузативных отношений в эргативных нахских языках, связанных с доминантными свойствами языка. Прототипическими константными свойствами глаголов, вступающих в отношения корреляции в каузативном процессе, являются слова с семантикой *vālār-vālār* 'рождение-смерть'.

Ключевые слова: лексический каузатив, лицо Говорящее, лицо Произносящее, прагматические установки, семантика постулированности, семантика приобретенности.

Abstract: the article addresses the question of origin of lexical causative relations in the ergative Nakh languages in connection with dominant properties of these languages. Prototypical constant properties of verbs, which engage in relations of correlation in causative process, are the words with semantics *valar-vālar* 'born-dead'.

Key words: lexical causative, person saying, person speaking, pragmatic settings, semantic of postulates, semantic of acquisition.

В нахских языках актуальны и грамматический, и лексический каузативы. Грамматический (морфологический) каузатив в нахском ингушском языке может возникнуть на основе одного из компонентов лексического каузатива. В эргативных нахских языках одна из составляющих разнонаправленной с точки зрения транзитивности/интранзитивности пары, образующей лексический каузатив, исторически приобретает способность транспонироваться в суффиксоид.

Компонент пары лексического каузатива (например, *воал* с семантикой 'перемещаюсь, появляюсь, рождаюсь') обычно маркирован лицом Говорящим. Лицо Говорящее, как эгоцентрический компонент парадигмы лица [1, с. 330], осуществляет прототипическую функцию предложения. Глагол с семантикой говорения представляет свойство (речение), когнитивно отмеченное эргативным мышлением в качестве данного априори. Этому же лицу преддицируются и другие свойства глаголов с семантикой постулированности [2, с. 176–178]. Другой глагол пары, представляющей лексический каузатив (например, *воаккх* с семантикой 'перемещаю, «появляю», рождаю»), прототипически маркирован лицом Произносящим [3, с. 199], выраженным в ингушском языке (и в других нахских языках также) местоимением в эргативной форме имени. Лицо Произносящее как полифункциональный эгоцентрический парадигмы лица в одной из

своих функций репрезентирует свойства глаголов приобретенной семантики [4, с. 168, 172]. Репрезентация свойств глаголов приобретенной семантики относится к одной из основных функций лица Произносящего, наряду с функцией каузации [5, с. 93, 95, 107].

Глаголы, вступающие в отношения корреляции в процессе каузации, связаны в ингушском языке (и в других нахских языках также), прежде всего, с глаголами с семантикой *vālār-vālār* 'рождение-смерть'. Именно эти свойства глаголов когнитивно маркируются эргативным мышлением в качестве релевантных (доминантных и / или константных) в запуске механизма лексического каузатива. Сравните конструкции:

1. *Цу шера со дунен чу воал* (чеч. *Цу шерахь со дунен чохь волу*)

Тот год ADV–я ABS–на свет ADV родиться PRS
'В тот год я рождаюсь (перемещаюсь, появляюсь на свет).

2. *Тлом хъайнача шера дунен чу воаккх со нанас* (чеч. *Тлем хъийначу шерахь дунен чохь воаккху со ненас*; бацб. *Дав хилъа денех дуненех валъа со нанас*)

В год война ADV–на свет ADV–родить PRS–я ABS–мать ERG

'В год начала войны меня рождает мать (перемещает, являет) на свет'.

Две конструкции, описывающие одну ситуацию, представлены глаголами, которые трудно назвать супплетивными: совпадает первый слог глаголов обеих конструкций (*воа-* и *воа-*), сегмент *-л* глагола

воал и **-кх** глагола **воакх** указывают на то, что исторически данные корни были производными. Синхронно они неразложимы. В первой конструкции субъект, представленный именной группой (личным местоимением) в номинативной форме, семантически изо-семичной эгоцентрику лицу Говорящему, сам осуществляет свойство глагола (*vālār* 'перемещение, появление, рождение'), представленного непереходной возвратной формой (*воал* 'рождаюсь, т. е. перемещаюсь, являюсь'). Во второй конструкции каузатор (лицо Произносящее), представленный именной группой в эргативной форме имени, каузирует свойство *vālār* 'рождение', представленное переходным глаголом (*воаккх* 'перемещаю, являю, т. е. рождаю'), маркированным лицом Произносящим vs. лицу Говорящему непереходного глагола.

Лексически полнозначный транзитивный глагол образует коррелятивную пару с другим автономным интранзитивным глаголом. Сравните две конструкции:

3. 1986 *шера са да ла* (чеч. 1986 *шерахь са да ля*)
1986 ADV–мойPOS –отецABS–умиратьPRS
'В 1986 году мой отец **умирает**' и

4. 1937 *шера хано вув са да* (чеч. 1937 *шерахь хено вув са да*)

1937 ADVtemp–год–время(ERG)– мойPOS –отецABS –убиватьPRS

'В 1937 году время убивает моего отца'.

Одна ситуация, в которой участвуют два лица, описывается различными с точки зрения переходности / непереходности глаголами, и в качестве каузативного средства избираются глаголы, связанные с семантикой *vālār-vālar* 'рождение-смерть' (например: *ла – вув* 'умираю – убиваю'), в семантическую структуру которых инкорпорированы различные речевые лица (Говорящее и Произносящее).

Действие по возвратному (непереходному) глаголу (**воал** 'перемещаюсь, являюсь, рождаюсь') и действие по невозвратному (переходному) глаголу (**воаккх** 'перемещаю, являю, рождаю') представляют единый процесс, осуществляемый двумя различными лицами парадигмы [1, с. 329–330]. Различные с точки зрения транзитивности / интранзитивности глаголы аргументированы двумя гетерогенными речевыми лицами парадигмы (Говорящим и Произносящим), морфологически представленными различными падежами имени. Два речевых лица парадигмы, гетерогенно представляющих категорию постулированности / приобретенности, выдвигаются для участия в каузативных процессах, образуя в нахских языках коррелятивную пару лексического каузатива.

Лексических каузативов в ингушском языке ограниченное количество, как и в других нахских [6; 7, с. 32] и / или дагестанских языках [8, с. 2].

Два неоднозначных с точки зрения переходности / непереходности глагола (лексических каузативов) ингушского языка могут описывать одну и ту же ситуацию в рефлексивном и диалогическом режимах, представляя два равных по релевантности и гетерогенных по транзитивности / интранзитивности действия (сравните примеры 1–2: *Тлом сецача шера со дунен чу воал* 'В год окончания войны **я рождаюсь** (перемещаюсь, являюсь) в мир', *Тлом сецача шера со дунен чу воаккх са нанас* 'В год окончания войны меня (я) **рождает** (перемещает, являет) в мир моя **мать**').

На основе прямого значения ингушского непереходного глагола, кумулирующего три семемы кряду в качестве основных: *воал* 'перемещаюсь, появляюсь, т. е. рождаюсь' речевым сознанием избирается стартовая семема 'перемещаюсь' для участия в процессе каузации другого типа. На базе прямого стартового значения его переходного лексического коррелята *воаккх* 'перемещаю, являю, рождаю' возникает аффиксоид также на основе стартовой семемы 'перемещаю', наследуемой морфемой (суффиксоидом), коррелирующей с автономным словом, генерировавшим каузативную морфему. Сравните автономные глаголы и каузативные формы конструкций:

5. *Со 1999 шера дуненчу воал* 'Я в 1999 году рождаюсь в мир' и

6. *Со гавнавоал* 'Я удаляюсь' (букв.: Я в «далеко» **перемещаюсь**).

7. 1999 *шера тха несо Адам дуненча воакх* 'В 1999 году наша сноха **рожает** Адама' и

8. *Михо гавнавоаккх со* 'Ветер относит меня далеко' (букв.: Ветер **перемещает** меня в «далеко»).

Маркированные гетерогенными (Говорящим, Произносящим) лицами парадигмы, автономные лексические корреляты (*воал* 'рождаюсь' и *воаккх* 'рождаю'), последовательно кумулирующие в семантической структуре три семемы: *воал* 'перемещаюсь, являюсь, рождаюсь' и *воаккх* 'перемещаю, являю, рождаю', на основе стартовой семемы 'перемещаюсь', 'перемещаю' экстрагируют в суффиксоиды, т. е. начинают выполнять функцию каузативного средства.

Способ каузации, осуществляемый посредством трансформации одной из семем (семемы 'перемещаюсь', 'перемещаю') гетерогенных согласно транзитивности / интранзитивности глаголов, представляющих коррелятивную пару лексического каузатива, в суффиксоиды, относится в ингушском языке к релевантным и, несмотря на количественную ограниченность лексических коррелятов, квалифицируется в качестве доминантного.

Релевантность семантического свойства интранзитивного возвратного глагола *воал* 'рождаюсь' (т. е. *перемещаюсь, являюсь*) заключается не просто в

рождении как финале процесса. Значимость его заключается в том, что все три фазы одного действия (*воал* 'перемещаюсь, являюсь, рождаюсь') мыслятся эргативным сознанием как единый перманентный процесс локализации лица Говорящего в прагматической ситуации *со в а х1анз* 'я мужчина в пространстве теперь'; чеч. *со в у х1инц* 'я мужчина тут теперь'; бацб. *со в а инц* 'я мужчина в пространстве теперь', равной прагматической ситуации номинативных языков *я здесь сейчас*.

Значимость семантического свойства переходного глагола *воаккх* 'перемещаю, являю, рождаю' также заключается в том, что три переходных действия мыслятся как единый перманентный процесс, выдвигающий данное свойство глагола в доминантное, сильно «эксплуатируемое» в каузативных процессах в эргативной лингвопрагматической установке (*у кх аз а х1анз* 'тут еще я в пространстве теперь'), характерологической для эргативных нахских языков, в которой локализуется лицо Произносящее [3, с. 243]. Номинативные языки индифферентны категории лицо Произносящее, [3, с. 98] и, соответственно, второй лингвопрагматической установке. В центре прототипической лингвопрагматической установки номинативных языков *я здесь сейчас* (равной инг. *со в а х1анз* 'я мужчина в пространстве теперь') располагается только один локутор, т. е. лицо Говорящее (я 'со'), представленное формой именительного падежа. В эргативных языках две прототипические лингвопрагматические установки, первая из которых также кодирует лицо Говорящее, выраженное местоимением в форме именительного падежа. В нахских языках к локутору, т. е. к первому речевому лицу относится и лицо Произносящее, морфологически выраженное местоимением первого лица единственного числа в эргативной форме имени (инг. *у кх аз а х1анз* 'тут еще я в пространстве теперь'; чеч. *кх у за х1инц* 'еще тут я теперь'). Лицо Говорящее и лицо Произносящее – это два первых лица, два локутора, интерпретированных как необходимая для акта коммуникации ядерная часть речевого акта. Локуторы не единственная, хотя и основная характеристика речевого акта. «Другими важными характеристиками речевого акта, используемыми в грамматике, являются место осуществления речевого акта (т. е. то место, где локализуется говорящий, или «дейктический центр») и время осуществления речевого акта, «так называемый момент речи» согласно терминологии В. А. Плунгяна [9, с. 254]. Обе характеристики присутствуют в двух лингвопрагматических установках эргативных языков. Процесс каузации прототипически не может возникнуть вне синхронного запуска механизма обеих лингвопрагматических установок. Фактически две установки эргативных языков (инг. *со в а х1анз* 'я мужчина в пространстве теперь' и *у кх аз а х1анз* 'тут еще я в про-

странстве теперь') совпадают в одной ситуации локализации (*вāлар* 'перемещение, явление, рождение') визуально воспринимаемого лица Говорящего и его каузатора лица Произносящего, антропоцентрически представляющего *саххета сах* 'homo spiritus, т. е. человека-духа [4, с. 288]. Процесс каузации осуществляется в момент интеракции двух означенных лингвопрагматических установок.

Семантически (понятно) свойства глаголов в рамках лексического каузатива (*со (NOM) воал – аз (ERG) воаккх* 'я рождаюсь – я рождаю'), представляющих один процесс с двумя локуторами (различными лицами парадигмы, грамматически представленными номинативной (*со* 'я') и эргативной (*аз* 'я') формами имени, оказываются настолько релевантными для ингушской речемыслительной деятельности, что данные глаголы выдвигаются в качестве основных для участия в каузативных процессах (термин «релевантный» здесь соответствует термину «доминантный» в том значении, в котором его использовал Г. А. Климов [10], и / или соответствует термину «константный», заимствованному нами у А. Е. Кибрика [11]).

Разнородность глаголов, образующих коррелятивную пару, обуславливается гетерогенностью лиц, закодированных магистральной валентностью в их лексической структуре: лицо Говорящее представляет номинативные глаголы постулированной семантики (например, *воал* 'рождаюсь', *кхет* 'понимаю', *ла* 'умираю' и др.), лицо Произносящее представляет эргативные глаголы приобретенной семантики (например, *воаккх* 'рождаю', *кхетаду* 'использую понимание', *вув* 'убиваю' [4, с. 186]).

Из числа глаголов, коррелирующих в процессе каузации, пара глаголов: номинативный глагол *вус* 'остаюсь' и эргативный глагол *вут* 'оставляю' – маркированы различными речевыми лицами [4, с. 9–11], из которых лицо Произносящее представляет свойство эргативного транзитивного глагола приобретенной семантики, которое способно каузировать постулированное свойство *вус* 'остаюсь' как наличную исходную базу, способную к каузации. Сравните исходную номинативную конструкцию, кодирующую лицо Говорящее, с эргативной:

9. *Со (NOM) се (NOMrf.) ɥ1aɥ1a (ADV) вус (PRS)* 'Я сам дома остаюсь';

10. *Аз (ERG) хьо (ABS) хье (NOMrf.) ɥ1aɥ1a (ADV) вут (PRS)* 'Я тебя самого дома оставляю'.

Из данной пары лексических коррелятов, вступающих в отношения каузации, только эргативный глагол приобретенной семантики *йита* (*вита, дита, бита*) транспонируется в область морфемики в качестве каузативного средства *-йита* (наст. вр. *-ийт* в соответствии с прагматической установкой) других типов каузации.

Аффиксоид *-йита* функционирует в эргативных нахских языках наряду с автономным словом *йита* (*вита, бита, дита*) 'оставить'. Экстрагируя в область морфемы, данное слово теряет свою классную маркировку, приобретая при этом грамматикализированную семантику: 'предоставить самому' или 'дать самостоятельно исполнить то, что обозначено лексической частью каузатива' (например: инг. чеч. *вах* 'идти' и *вахийта* 'дать пойти').

Таким образом, в эргативных языках в отношении лексического каузатива вступают два лица парадигмы (Говорящее и Произносящее), закодированные в глаголах различной семантики (постулированной / приобретенной). Глаголы приобретенной семантики, т. е. эргативные глаголы, акциональности которым придает лицо Произносящее, способны каузировать (вызывать к жизни) свойства глаголов постулированной семантики. Данный тип каузации в эргативных языках возможен при участии глаголов с семантикой постулированности, которые нуждаются в каузации (вызывании к жизни). Рассмотренная в данной статье каузация как вызывание к жизни свойства глагола постулированной семантики – это лишь один из типов каузации, свойственный эргативным нахским языкам. Из пары глаголов с семантикой *воал – воакх* 'рождаюсь – рождаю', вступающих в отношения лексического каузатива, непереходный номинативный глагол (*воал* 'рождаюсь') и переходный эргативный глагол (*воакх* 'рождаю') прототипически приобретают способность экстрадиции в морфему (суффиксоид). Морфологическое средство (суффиксоид), возникшее посредством экстрадиции одного из глаголов лексического каузатива в область морфемки, начинает участвовать в запуске механизма других типов каузации в эргативных языках.

Ингушский государственный университет, Ингушский научно-исследовательский институт имени Ч. Э. Ахриева

*Тариева Л. У., доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка
E-mail: Tarieva00@mail.ru
Тел.: 8-929-249-10-94*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тариева Л. У.* Компоненты парадигмы лиц ингушского языка / Л. У. Тариева // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 8. – С. 329–337.
2. *Тариева Л. У.* Исторический аспект генерации номинативных инфинитивных глаголов ингушского языка / Л. У. Тариева // Вестник Орлов. гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитарные исследования. – 2015. – № 5 (46). – С. 174–178.
3. *Тариева Л. У.* Функция лица Произносящего, разводящая языки различных стратегий / Л. У. Тариева // Вестник Орлов. гос. ун-та. Сер.: Новые гуманитарные исследования. – 2014. – № 5 (40). – С. 197–200.
4. *Тариева Л. У.* Речевые компоненты парадигмы лица в языках эргативного строя / Л. У. Тариева. – Магас : КЕП, 2017. – С. 376.
5. *Тариева Л. У.* К вопросу о регулярных средствах образования каузативных глаголов в эргативном языке / Л. У. Тариева // Язык : история и современность. – 2017. – № 1. – С. 92–111.
6. *Бархоева Н. М.* Грамматические формы и категории глагола. На материале нахских языков / Н. М. Бархоева. – Нальчик : Тетраграф, 2011. – С. 312.
7. *Токаева А. С.* Каузатив и декаузатив в чеченском языке : дис. ... канд. филол. наук / А. С. Токаева. – Грозный, 2010. – 175 с.
8. *Дэниэль М. А.* Каузатив в агульском языке / М. А. Дэниэль, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова // Исследования по глагольной деривации : сб. ст. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 19–46.
9. *Плунгян В. А.* Общая морфология. Введение в проблематику / В. А. Плунгян. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 384 с.
10. *Климов Г. А.* Принципы контенсивной типологии / Г. А. Климов. – 2-е изд. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 226 с.
11. *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка / А. Е. Кибрик. – СПб. : Алетея, 2005. – 720 с.

*Ingush State University,
Ingush Scientific Research Institute named after
Ch. E. Akhriev*

*Tarieva L. U., Doctor of Philology, Associate Professor
of the Russian Language Department
E-mail: Tarieva00@mail.ru
Tel.: 8-929-249-10-94*